

Л. А. Гаврилова

«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского: коммуникация автора и читателя

В работе анализируется «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского с точки зрения коммуникативных задач автора. В центре внимания находится специфика построения диалога автора и читателя на страницах издания. Базой для анализа стали выпуски «Дневника писателя» за 1876 г. и литературоведческие исследования.

Ключевые слова: автор, читатель, «другой», диалог, обратная связь, функциональное совмещение, автокоммуникация.

L. A. Gavrilova

**"The Diary of the Writer" by F. M. Dostoevsky:
Communications of the Author and the Reader**

In the work "the Diary of the Writer" by F. M. Dostoevsky is analyzed from the point of view of communicative problems of the author. A specific character of the dialogue construction of the author and the reader on pages of the edition is in the center of attention. "The Diary of the Writer" of 1876 and the literary criticism researches became a base for the analysis.

Keywords: an author, a reader, "another", a dialogue, feedback, functional overlapping, autocommunication.

Все творчество Фёдора Михайловича Достоевского пронизано полемикой – с литературными предшественниками, с господствующими в обществе представлениями о путях развития России, со спорами о сущности и назначении человека в окружающем его мире, а иногда и с самим собой. Ориентированность на диалог с читателем одинаково проявлялась и в художественной, и в публицистической деятельности писателя. Искусство для него не существовало само по себе и для себя: Достоевскому важно было, чтобы его прочли и услышали. Этой задачей, коренящейся в основах христианского миропонимания, в христианском смирении, во многом объясняется специфика выражения позиции автора в его произведениях. Д. С. Лихачёв пишет по этому поводу: «...в произведениях Достоевского господствует контрапункт, сосуществование разных повествовательных голосов. При этом иногда трудно отделить хроникера, повествователя от автора: слова их часто смешиваются. И это не следует расценивать как художественный недостаток. Смещение разных голосов только усложняет задачу читателя, но отнюдь ее не отменяет. Мы можем отметить также, что хроникер или рассказчик все уравнивает в своем повествовании – значительное и незначительное. Он не может дать правильной оценки происходящему. Он не понимает происходящего, он ниже того, о чем

повествует. При этом Достоевский (или его фактум-хроникер) часто ссылается на свою неосведомленность, он подчеркивает неровность, даже случайность формы своих произведений» [5, с. 67]. «Дневник писателя» (далее «Д. п.» – прим. автора), выпускавшийся с перерывами в период с 1873 (сначала – в рамках журнала «Гражданин») по 1881 г., венчающий творчество Достоевского, стал его своего рода вершиной. В нем этот принцип творчества выразился наиболее полно и оригинально.

«Замысел нового издания (одно из первоначальных названий – “Дневник писателя”) Достоевский вынашивает в конце 60-х гг., вскоре после того, как прекратили свое существование журналы “Время” и “Эпоха”. Живя за границей в 1867–71 гг., Ф. М. Достоевский мечтает возвратиться к публицистической деятельности, о чем свидетельствуют его письма. Из письма С. А. Ивановой, племяннице писателя, переводчице – 29 сентября 1867 г.: “Хочу издавать, возвратиться, нечто вроде газеты. Я даже помнится, Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснилось и форма и цель... А для этого надо быть дома и видеть и слышать все своими глазами”» [2, с. 224] [7, с. 43]

Определившись с типом этого издания, Достоевский отмечал: «Тут отчет о событиях, не столько как о новости, сколько о том, что из

него (из события) останется нам более постоянного, более связанного с общей, с цельной идеей. Наконец, я вовсе не хочу связывать себя давлением отчета... Я не летописец; это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично, – тут даже каприз...» [3, с. 219].

Не претендуя на статус оракула, сводя увиденное и услышанное на уровень лишь собственного мнения, заносимого в личный дневник, Достоевский при этом учитывал, что дневник в данном случае выступает и как публицистический жанр, у которого есть масштабная аудитория. Какова ее функция? Во-первых, она дает возможность автору высказать свои мысли публично, не претендуя на их истинность, вынести их на всеобщее обсуждение. То есть, она отражает демократизм творчества Достоевского. Во-вторых, позволяет апробировать свои взгляды на публике. Как пишет исследователь В. В. Щурова, «в публицистике Достоевский выступает “от себя”, хотя он, вроде бы, и уверен в необходимости выносимых постулатов, но публичная их проверка необходима. Отклик появляется незамедлительно» [7, с. 32].

Обе эти функции аудитория «Д. п.» выполняет как за пределами издания, так и внутри издания, на его страницах, то есть «Д. п.» отличается внутренней и внешней диалогичностью. Как отмечает исследователь Ф. А. Ермошин, в «Д. п.» Достоевский предоставляет своего рода «трибуну» «...не столько потенциальным “друзьям”, сколько, в первую очередь, предполагаемым “врагам”. Истина, по мысли Достоевского, рождалась не только в диалоге, но и в споре» [4, с. 23]. Диалог этот осуществляется с внешними и внутренними читателями. Они схожи: это мелкая и средняя интеллигенция – учителя, судейские работники, военные, чиновники, врачи, инженеры, студенты, лица духовного звания. «Лица» внутренних читателей особенно интересны в контексте собственно дневниковой составляющей издания, то есть автокоммуникации (термин введен Ю. М. Лотманом, предполагает взаимоотношения в структуре «Я»-«Я» [6, с. 229]), в которой выделяются «Я»-автора и «Я»-читателя.

Цель данного исследования: подчеркнув особую значимость коммуникативного аспекта «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, показать особенности на его страницах диалога автора с читателем.

1. Выявить роль «другого» в «Дневнике писателя», типы его «лиц» и целесообразность.

2. Показать особенности функционального совмещение «Я»-автора и «Я»-«другого» в «Дневнике писателя» и его текстовые варианты.

Итак, с кем и как происходит диалог на страницах «Дневника писателя»?

Прежде всего, сам автор, «Я»-автор, ведет диалог с «Я»-читатель и другими, внешними, находящимися за пределами страниц «Д. п.» читателями. Делается это самим фактом написания «Д. п.». Однако для данного исследования интересен диалог, ведущийся с оппонентами на страницах «Д. п.», то есть, с внутренними читателями. Для их обозначения введем понятие «другой». Другие – это:

– «лица», идентифицирующиеся как читатели. Их присутствие в тексте – доказательство обратной связи. Как известно, «Д. п.» пользовался большой популярностью – писатель получал огромное количество писем. («К концу первого года издания “Дневника” между Фёдором Михайловичем и его читателями возникло, а во втором году достигло больших размеров общение, беспримерное у нас на Руси: его засыпали письмами и визитами с изъявлениями благодарности за доставление прекрасной моральной пищи в виде “Дневника писателя”. Некоторые говорили Фёдору Михайловичу, что они читают его “Дневник” с благоговением, как Священное писание; на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешать их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени. И Фёдор Михайлович любовно принимал этих своих клиентов и беседовал с ними, читал их письма и отвечал на них...» [3, с. 280–281]). Эти «лица» часто по имени не называются, однако они занимают активную позицию, действуют непосредственно. («Одно письмо особенно характерно и писано, очевидно, не для печати; но позволю себе привести из него несколько строк, с соблюдением, конечно, полнейшего анонима. Надеюсь, что многоуважаемый корреспондент на меня не посетует; я и цитирую из него лишь убежденный в его совершенной искренности, которую в полной степени могу оценить. “...С чувством глубочайшего омерзения прочли мы дело Каировой...” («Из частного письма», «Д. п.» за 1876 г. [1, с. 274]);

– «лица», не называемые автором читателями «Д. п.», но являющиеся ими, что называется, по умолчанию: автор их вводит на страницы по причине наличия у них определенной идейной позиции. Это, например, директор колонии для малолетних преступников. («Директор П. А-ч Р-

ский известен в литературе; его статьи появляются иногда в “Вестнике Европы”. Я встретил от него самый приветливый прием, полный предупредительности» («Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества», «Д. п.» за 1876 г. [1, с. 180]) Эти «лица» могут быть:

– активно действующими. Это, например, директор колонии малолетних преступников (см. выше). К этой же группе относится и «Я»-читателя («Но это очень трудно, и я вижу, что я не мастер писать предисловия.» («Вместо предисловия. О Большой и Малой медведицах, о молитве великого Гёте и вообще о дурных привычках», «Д. п.» за 1876 г. [1, с. 168]);

– пассивно действующими, задействованными активностью «Я»-читателя. Они – в цитатах из газет-журналов, письмах, записках и т. д., непосредственно к «Д. п.» не относящихся (см. ниже).

Обратимся теперь к активно и пассивно действующим «полуреальным» и «нереальным» «другим». Очевидно, что «Я»-автор их создает сам, руководствуясь принципом актуальности, что называется «в тему». В этом смысле все «голоса», и художественно и нехудожественно вводимые в общий текст «Д. п.», могут рассматриваться как «другие», за которыми прячется «Я»-автора, но которые, однако, нельзя назвать полностью идентичным «другим». «Я»-автора в этом случае функционально совмещается с «Я»-«другого».

Способов «введения» голосов «других» в «Д. п.» целый ряд. При этом «Я»-читатель выступает также в варианте «Я»-слушатель. (Иначе говоря, его можно назвать «Я»-получателем информации.)

1. Активное введение:

– в диалоге «Я»-автора с «другим» («– О чем это вы заговорили? – спросит меня удивленный читатель.

– Я хотел было написать предисловие, потому что нельзя же совсем без предисловия.

– В таком случае лучше объясните ваше направление, ваши убеждения, объясните: что вы за человек и как осмелились объявить “Дневник писателя”?)» («Вместо предисловия. О Большой и Малой Медведицах, о молитве Великого Гёте и вообще о дурных привычках», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 168]);

– в высказывании «другого» («Герои, – вы, господа романисты, все ищите героев, – сказал мне на днях один выдавший виды человек, – и, не находя у нас героев, сердитесь и брюзжите на всю Россию, а вот я вам расскажу один анекдот: жил-был один чиновник, давно уже, в царствование покойного государя, сперва служил в Петербурге, а потом, кажется, в Киеве, там и умер, – вот, по-видимому, и вся его биография») («Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 188])

2. Пассивное введение:

– письмо или записка, которую читает «Я»-читатель и другие, внешние, читатели («”Нынче же всякий и прежде всего уверен, входя куда-нибудь, что все принадлежит ему одному. Если же не ему, то он даже и не сердится, а мигом решает дело; не слышали ли вы про такие записочки: “Милый папаша, мне двадцать три года, а я еще ничего не сделал; убежденный, что из меня ничего не выйдет, я решился покончить с жизнью...”») («Вместо предисловия. О Большой и Малой Медведицах, о молитве Великого Гёте и вообще о дурных привычках», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 166]);

– упоминание «другого» и изложение его позиции от третьего лица («Что же до либерализма (вместо слова “направление” я уже прямо буду употреблять слово: “либерализм”), то всем известный Незнакомец в одном из недавних фельетонов своих, говоря о том, как встретила пресса наша новый 1876 г., упоминает, между прочим, не без едкости, что все обошлось достаточно либерально») («Вместо предисловия. О Большой и Малой Медведицах, о молитве Великого Гёте и вообще о дурных привычках», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 168]);

– пересказ содержания прочитанного газетно-журнального материала («В газетах все недавно прочли об убийстве мещанки Перовой и об самоубийстве ее убийцы. Она с ним жила, он был работником в типографии, но потерял место, она же снимала квартиру и пускала жильцов») («Будущий роман. Опять «случайное семейство», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 169]);

– воспроизведение услышанного высказывания («Мне нечаянно удалось услышать на днях одно весьма неожиданное замечание насчет отмененного у нас повсеместно в школах телесного наказания: “Отменили везде в школах телесное

наказание и прекрасно сделали; но чего же, между прочим, достигли?» («Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 184];

– цитирование со ссылкой на источник («В № 359 “Голоса” мне случилось прочесть о праздновании торжественного юбилея первого десятилетия Российского Общества покровительства животным. Какое приятное и гуманное общество! Сколько я понял, главная мысль его заключается почти вся в следующих словах из речи князя А. А. Суворова, председателя Общества: “И на самом деле, задача нашего нового благотворительного учреждения казалась тем труднее, что в покровительстве животным большинство не желало видеть тех моральных и материальных выгод для человека, какие проистекают из снисходительного и разумного с его стороны обращения с домашними животными”»). («Российское общество покровительства животным. Фельдъегерь. Зелено-вино. Зуд разврата и Воробьев. С конца или с начала?», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 189];

– цитирование без оформления цитаты («Мрачная картина останется в их душах навеки и может болезненно надорвать юную гордость еще с тех дней, ... когда нам новы все впечатленья бытия») (цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Демон* (1824): «В те дни, когда мне были новы все впечатленья бытия». – прим. автора). («Будущий роман. Опять «случайное семейство», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 170].

Способом пассивного «введения» в текст «Д. п.» включаются художественные произведения, выполняющие в данном случае функцию «других»-художественных образов. Автор поступает следующим образом:

– вводит истории как воспоминания, но «сеет сомнения» в их подлинности («Но все эти professions de foi, я думаю, очень скучно читать, а потому расскажу один анекдот, впрочем, даже и не анекдот; так, одно лишь далекое воспоминание, которое мне почему-то очень хочется рассказать именно здесь и теперь, в заключение нашего трактата о народе. Мне было тогда всего лишь девять лет от роду...») («Мужик Марей», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 210–211];

– вводит истории как «кажется, сочиненные», но при этом как, возможно, «где-то когда-то случившиеся» («Но я романист, и, кажется, одну “историю” сам сочинил. Почему я пишу: “кажет-

ся”, ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз») («Мальчик у Христа на елке», «Д. п.» за 1876 г.) [1, с. 176].

Подводя итог, следует сказать следующее.

Задумав «Д. п.» как издание, отличающееся внешней и внутренней диалогичностью, Достоевский ввел на его страницы различных оппонентов – «других» – реальных, «полуреальных» и совсем «нереальных» лиц, выражающих на страницах «Д. п.» свою, отличную от авторской, идейную позицию. Среди «других» выделяются «лица», идентифицирующиеся как читатели. Их присутствие в тексте – доказательство обратной связи. Эти «лица» часто по имени не называются, однако они занимают активную позицию, действуют непосредственно. Также к «другим» относятся «лица», которых автор не называет читателями «Д. п.», но являющиеся ими, что называется, по умолчанию: автор их вводит на страницы по причине наличия у них определенной идейной позиции. Эти «лица» могут быть либо активно, либо пассивно действующими, то есть задействованными активностью «Я»-читателя. Целесообразность присутствия «других» в «Д. п.» объясняется идейно-творческой концепцией Достоевского: создавая имитацию настоящего «разговора-спора», он уходил от единой точки зрения на предмет, мог апробировать свои идеи и привлекал дополнительных читателей. Кроме того, этот «разговор-спор» был жанрообразующим: письма и устные отзывы давали основу для следующих выпусков.

Для максимально динамичного, разностороннего диалога Достоевскому необходим был богатый спектр «других». Отсюда в тексте «полуреальные» и нереальные лица. Очевидно, что «Я»-автор создает их сам, руководствуясь принципом актуальности. «Я»-автора в этом случае функционально совмещается с «Я»-«другого». «Другие» вводятся в «Д. п.» рядом способов: активно (в диалоге «Я»-автора с «другим», высказыванием «другого») и пассивно (письмом или запиской, которую читает «Я»-читатель и другие, внешние, читатели; упоминанием «другого» и изложением его позиции от третьего лица; пересказом содержания прочитанного газетно-журнального материала; воспроизведением услышанного высказывания; цитированием со ссылкой на источник; цитированием без оформления цитаты). Способом пассивного «введения»

в текст «Д. п.» включаются художественные произведения, выполняющие в данном случае функцию «других»-художественных образов.

При создании «Д. п.» коммуникативный аспект был для Достоевского наиважнейшим. Особенность диалога автора с читателем состоит, во-первых, в том, что, согласно модели коммуникации Ю. М. Лотмана (автокоммуникации), «Я»-автора, создающего «Д. п.», обращается одновременно к «Я»-читателя и внешней аудитории. Во-вторых, на самих страницах «Д. п.» происходит общение «Я»-читателя (получателя информации) с «другими», в числе которых активен «Я»-«другой», функционально сближающийся с «Я»-автора.

Столь сложная модель общения автора и читателя в «Д. п.» позволила автору создать эффект «многоголосия» и самому автору высказать различные предположения относительно спорных вопросов. Эта модель отличается, с одной стороны, демократичностью, с другой – наличием дополнительных кодов, усиленных серьезной художественной составляющей. Это сделало «Д. п.» одним из самых сложных в плане понимания трудов не только в творчестве Ф. М. Достоевского, но и в русской литературе в целом.

Библиографический список

1. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9 в 2 кн. Кн. 1.: Дневник писателя [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 603 с.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 28 в 2 кн. Кн. 1 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1981.
3. Достоевский, Ф. М. в воспоминаниях современников [Текст] : в 2-х т. Т. 2 / Ф. М. Достоевский. – М.: Худож. лит., 1990. – 623 с.
4. Ермошин, Ф. А. Автор и читатель в публицистике Достоевского 70-х гг. XIX в. [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ф. А. Ермошин. – М., 2009. – 263 с.
5. Лихачев, Д. С. О филологии [Текст] / Д. С. Лихачев; предисл. Л. А. Дмитриева. – М.: Высш. школа, 1989. – 208 с.
6. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры [Текст] // Труды по знаковым системам. – Вып. VI. Уч. зап. Тарт. ун-та. – Вып. 308. – Тарту, 1973).
7. Щурова, В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского : типология, жанр, антропология: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 [Текст] / В. В. Щурова. – Воронеж, 2005. – 167 с.